

А. И. СМЕРНИЦКИЙ и О. С. АХМАНОВА

О КУРСЕ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»*

Вопрос о перестройке всей системы филологического образования был поставлен еще в 1950 г., после опубликования языковедческих трудов И. В. Сталина. Указывая на необходимость коренной перестройки общих языковедческих курсов, акад. В. В. Виноградов писал: «На основе указаний товарища Сталина этот курс („Введение в языкознание“ — *Ред.*) должен служить методологической базой для построения всех курсов языковедческого цикла. Вооружая филолога знанием основных положений советского языкознания, настоящим пониманием главных категорий и понятий лингвистического исследования, этот курс затем — в процессе усвоения дисциплин той или другой языковедческой специальности — конкретизируется и углубляется. Естественно поэтому, что на 4-м и 5-м году филологического образования в курсе о б щ е г о я з ы к о з н а н и я необходимо обобщение всего этого материала. Кроме того, для расширения общего методологического кругозора студента-лингвиста желательно, чтобы всякий специалист по языку был знаком с историей разработки теоретических основ лингвистической науки, с историей развития общего языкознания. Эту цель должен выполнить специальный курс истории лингвистических учений»¹.

Намеченная таким образом перестройка была осуществлена, и «действующий ныне учебный план филологических факультетов включает в себя три общелингвистических предмета: „Введение в языкознание“ (на первом курсе), „История языкознания“ (на третьем курсе) и „Общее языкознание“ (на четвертом курсе)»².

Знание основных положений советской науки о языке и важнейших лингвистических понятий, приобретенное на I курсе, конкретизируется и углубляется в процессе усвоения дисциплин соответствующей языковедческой специальности (что касается, например, специалиста по русскому языку, то такая конкретизация и углубление происходит в процессе прохождения курсов современного русского языка, истории русского языка, старославянского языка и т. д.).

Для того чтобы все это можно было действительно о б о б щ и т ь в курсе «Общее языкознание», необходимо значительно усилить общелингвистическую работу отдельных языковых кафедр; кафедра общего языкознания объединяет, координирует эту работу. Те общетеоретические положения, которые на IV курсе будут э к с п л и ц и т н о разви-

* Статья печатается в дискуссионном порядке.

¹ В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 190.

² См. объяснительную записку к Программе по общему языкознанию, утвержденной Министерством высшего образования в 1952 г.

ваться в курсе «Общее языкознание», должны и м п л и ц и т н о лежать в о с н о в е всех конкретных лингвистических курсов: эти курсы должны внутренне строиться на базе того, что будет полностью раскрыто в обобщающем теоретическом курсе. Иными словами, то, что в этих курсах как бы подразумевается, но не является самостоятельным объектом изучения, в курсе «Общее языкознание» должно выявляться, приводиться в стройную систему, выступать как основное содержание изложения.

Следует самым решительным образом подчеркнуть, что наблюдавшийся до сих пор в отдельных вузах разноречивость между отдельными кафедрами в трактовке важных языковедческих понятий — явление совершенно недопустимое, поскольку речь идет о создании такой системы подготовки языковедческих кадров, которая представляла бы собой полную в н у т р е н н ю ю целостность, а не только внешне упорядоченную систему.

Так как помимо курса «Общее языкознание» в учебном плане имеются еще два общелингвистических курса, то при построении курса «Общее языкознание», разумеется, необходимо учитывать то, какими должны быть эти два курса. Поэтому следует сказать несколько слов об этих курсах (т. е. о курсах «Введение в языкознание» и «История языкознания»).

Характер и содержание курса «Введение в языкознание» можно теперь считать в основном определенными (после опубликования ряда статей и первой части учебника). При учете разных видоизменений и индивидуальных склонностей авторов и лекторов основное содержание этого курса можно в общем определить так: 1. Характерные признаки языка в целом на основе марксистского учения о языке; учение И. В. Сталина о месте языка среди общественных явлений, о его роли в обществе, о его происхождении и развитии; учение И. В. Сталина о составе и строении языка. 2. Единицы и составные элементы языка: слово и его морфологическое строение; фразеологические соединения слов; звуки речи и их классификация; грамматический строй языка, средства образования предложения, грамматическое изменение и сочетание слов и т. п. 3. Понятие о родственных связях между языками и генеалогическая классификация языков; типологическая классификация языков; язык и диалект, литературный язык и т. п.³

Что касается курса «История языкознания», то он пока еще не подвергался специальному обсуждению. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что этот курс должен познакомить учащихся с основными этапами развития науки о языке от античности до современности, причем особое внимание должно быть уделено XIX—XX векам. В курсе, с одной стороны, должно быть показано поступательное движение науки о языке (в частности — лингвистической теории) по пути к созданию системы марксистского языкознания; с другой стороны, должны

³ В связи с замечаниями о содержании курса «Введение в языкознание» нельзя не поставить вопроса о необходимости специального предмета «Языкознание» в средней школе. Следует признать совершенно ненормальным существующее в настоящее время положение, когда общеобразовательный цикл предметов по непонятным причинам не включает соответствующей подготовки по такому важному предмету, как языкознание. Курс русского языка — единственный по существу курс, который может познакомить учащегося средней школы с основными языковедческими понятиями. — как известно, проходит в младших классах; в старших классах школьники вообще не имеют никакого языковедческого предмета, так как изучение русского языка кончается уже в VII классе и заменяется литературой. Ясно, что изучать такую серьезную общественную дисциплину как языкознание следует в старших классах, когда школьники приобретают соответствующее общее развитие. Однако эти соображения высказываются пока в предварительном порядке, и дальнейшее рассуждение будет вестись, исходя из существующего в настоящее время положения.

быть подвергнуты критике с позиций марксистского языкознания (которые известны учащимся уже по курсу «Введения») ошибки и искажения в понимании языка и отдельных языковых явлений, в частности — вульгаризаторские ошибки марровского «нового учения» и идеалистические искажения науки, характерные для реакционной буржуазной лингвистики последнего времени. Наличие этого курса должно освободить лектора по курсу «Общее языкознание» от необходимости историко-систематического изложения разных лингвистических учений и обеспечить ему возможность достижения строгой теоретической последовательности и стройности в изложении его курса.

Каким же должно быть в основном содержание курса «Общее языкознание», чтобы он не повторял собой предшествующих языковедческих курсов и действительно о б о б щ а л н а и б о л е е с у щ е с т в е н н о с в этих курсах, что не могло быть систематически и достаточно полно освещено в них?

Содержание курса «Общее языкознание» должно, повидимому, сосредоточиваться вокруг следующих основных проблем: 1) специфические особенности и задачи языкознания как о с о б о й науки; 2) специальные методы лингвистического исследования; 3) особенности различных сторон и единиц языка и обусловленная ими структура языкознания. Такое содержание курса в основном намечено и в имеющейся программе по общему языкознанию (1952 г.), хотя приведенные формулировки и не вполне совпадают с данными в программе.

1. Специфические особенности и задачи языкознания как особой науки

Так как предметом языкознания является особого рода о б щ е с т в е н н о е явление — язык, то развитое И. В. Сталиным марксистское учение об объективном характере законов не только природы, но и о б щ е с т в а дает прочную базу для научного решения вопроса о внутренних законах развития языка — вопроса, выдвинутого в труде «Марксизм и вопросы языкознания» в качестве основного для науки о языке. «Марксизм понимает законы науки, — все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей»⁴. Таким образом определяется отношение науки к изучаемому предмету и подчеркивается ведущий характер предмета — самих внутренних закономерностей его развития. Это положение имеет особое значение для языкознания также и потому, что оно вооружает языковедов для борьбы с извращенными представлениями, развиваемыми современным буржуазным позитивизмом, для которого законы науки есть нечто произвольно вносимое в «аморфный хаос» действительности и порождаемое организующими свойствами человеческой мысли.

На примере политической экономии И. В. Сталин показывает неправомочность механического перенесения понятий (категорий) с одной исторической эпохи на другую. То же, разумеется, относится и к области языкознания. Поэтому необходимо концентрировать внимание прежде всего на самом предмете языкознания, т. е. на самом языке, и исходить из его явлений и отношений между ними, а не из привычных языковедческих понятий и разделов языкознания как науки.

⁴ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 4.

Только через глубокое теоретическое рассмотрение основных законов существования, основных процессов и закономерностей развития самого предмета языкознания — языка — можно проверить пригодность тех или иных понятий и терминов науки для описания и формулирования наблюдаемых объективных закономерностей и придти к научно обоснованным выводам относительно способов изучения языка и путей построения соответствующей области знания. Иными словами, следует исходить, например, не из термина «фонема» (выражающего различные понятия у различных ученых), а из исследования звукового строения языка, и, уже на основе результатов этого исследования, установить необходимую терминологию и, в частности, применять термин «фонема», в случае его пригодности, для обозначения определенного явления в звуковом строе языка.

Необходимо, следовательно, исходить из указаний классиков марксизма-ленинизма относительно того, что значит для марксиста н а у ч н о и з у ч а т ь предмет. На основе этих указаний языковеды должны разработать точную методику доказательств в области своей науки, определить, что следует понимать в языкознании (как конкретной общественной дисциплине) под установлением фактов объективной действительности, под правильным отражением их реальных закономерностей в виде законов подлинно научного марксистского языкознания.

Сказанное может быть проиллюстрировано следующим примером. Известно, что в русском языке большинство глаголов имеет морфему *-л* в прошедшем времени. Это — факт, который может быть просто п р о д е м о н с т р и р о в а н. Но языкознание как наука должно не просто демонстрировать факты, а раскрывать объективно существующие между ними связи, проникать в их сущность. Здесь был употреблен термин «прошедшее время»; но почему соответствующее образование подводится именно под это понятие, каков внутренний смысл этого понятия, что значит «прошедшее время» в грамматике русского языка и на основе каких наблюдаемых объективных закономерностей мы приходим к такому определению? В курсах общего языкознания слишком часто такое строгое, подлинно научное обращение к самому предмету подменяется перечислением различных определений, различных лингвистических концепций, созданных в разное время разными языковедами.

Как уже было сказано выше, история развития научной мысли в данной области науки — важный и необходимый предмет. Знание всего того, что выработало человечество (Ленин), — необходимое условие для дальнейшего плодотворного развития науки. В существующем плане подготовки языковедов этому моменту уделяется важное место. Но все это лишь предпосылки для решения поставленной задачи. Сама же задача марксистского научного анализа, стремящегося проникнуть в сущность изучаемого явления, делающего строгое различие между содержанием исследуемого явления и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, не может быть выполнена без непосредственного обращения к самому предмету, который предстанет в совершенно новом виде перед ученым, вооруженным подлинно научной марксистской методологией.

Если мы вернемся к приведенному примеру — с суффиксом *-л* в прошедшем времени глагола, — то мы легко убедимся в том, что факт этот как таковой уже давно установлен. Задача теоретического курса, подлинная задача науки применительно к данному конкретному случаю — в том, чтобы определить реально, объективно существующее в русском языке соотношение между этим *-л* в прошедшем времени изъявительного наклонения и сослагательным наклонением, решить вопрос о том, что представляет собой *-л + бы*, т. е. имеются ли данные считать такое сочетание анали-

тической формой или нет и каковы объективные основания для такого понятия как «аналитическая форма» в языкознании вообще, какова природа такой формы в русском языке и т. п.

2. Специальные методы лингвистического исследования

Вопрос о специальных методах лингвистического исследования — это вопрос о тех особых конкретных приемах исследования, которые применяются в науке о языке для разрешения ее частных задач. Таким образом, каждый из частных конкретных методов лингвистического исследования является соотносительным с той конкретной частной задачей, для разрешения которой он применяется; поэтому, оценивая тот или иной специальный метод (прием) исследования, необходимо всегда иметь в виду пригодность его для разрешения соответствующей конкретной задачи.

Научное изучение языка — это изучение истории языка как целого, как системы, в неразрывной связи с историей общества, такое изучение истории языка, которое предполагает и включает в себя изучение функционирования его системы в каждый данный момент. Без этого историческое изучение языка как целого, как системы оказывается невозможным: его история сводится тогда к истории разрозненных, отдельно взятых явлений, без связи их друг с другом, и представление о действительности получается, следовательно, искаженным. Антиисторизм у де Соссюра и соссюрианцев — в том, что они признают возможность исторического изучения лишь отдельных фактов в языке, взятых вне их соотношения с другими фактами, т. е. вне системы языка, тогда как система языка представляет собой, с их точки зрения, нечто такое, что принципиально по самой своей природе может изучаться только статически.

Эта антиисторическая и уже потому антимарксистская точка зрения на принципы научного изучения языка в дальнейшем получила не только большое распространение в буржуазном языкознании, но и была «освобождена» от каких-либо «остатков» того разумного зерна, которое еще можно было найти в концепции де Соссюра. Внутренняя порочность этой концепции оказалась в дальнейшем вполне раскрытой: в построениях современных «глоссематиков»⁵ не только осуществлен полный отрыв «синхронической» системы языка от истории, не только провозглашена принципиальная невозможность исследования системы языка (в частности, его грамматической системы) в историческом плане, но вообще исключен из области языкознания вопрос об историческом развитии, якобы как не имеющий отношения к лингвистике, так как историческое исследование неизбежно и обязательно должно иметь дело с реально существующими «материальными» фактами языка, с исторически засвидетельствованными звуками и формами.

Поскольку система языка у глоссематиков выступает теперь как «чистая форма», существующая «идеально» и лишь «манифестирующаяся», «реализующаяся» в той или иной материи (безразлично — звуковой, графической или какой-либо еще), постольку, естественно, вопрос об историческом изучении языков (которого не сумели разрешить, хотя и не решились снять де Соссюр и его непосредственные ученики) оказывается теперь просто выброшенным из буржуазного языкознания, принимающего открыто идеалистический и реакционный характер.

⁵ См. О. С. А х м а н о в а, Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 3, стр. 25—47.

Перед советским языкознанием стоит в связи с этим следующая важная задача: критически используя все ценное, что имеется в старом языкознании, особенно все то положительное, что было выработано языковедами в нашей стране со времени Ломоносова, разработать подлинно научную методику исторического исследования языка. Марксистская методология не допускает одностороннего изучения явлений природы и общества — процессов, происходящих в природе и обществе. Марксизм учит, что ни одно явление не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями. Вместе с тем марксистский диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменений, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания. Поэтому, изучая язык, мы должны всегда и одновременно иметь в виду две совершенно не отделимые друг от друга и как бы взаимно перекрещивающиеся линии: линию, параллельную времени, и линию, перпендикулярную к нему. Соответственно этому мы имеем две основные конкретные задачи: 1) восстановление процесса исторического развития языка и 2) научное определение того, каким образом на данном этапе развития языка в данных общественных условиях функционирует тот или другой элемент языка в его взаимной связи и обусловленности с другими элементами.

Сказанное можно проиллюстрировать уже приводившимся примером. Восстанавливая процесс исторического развития русского прошедшего времени на -л, как известно, мы убеждаемся в том, что формы этого времени восходят к прежнему причастию (перфекта действительного залога), чем и объясняется изменение этого времени по родам, а не по лицам. Но достаточно ли знания этого исторического факта для понимания сущности функционирования форм прошедшего времени в современном русском языке? Есть ли основание, как это делал, например, проф. М. Н. Петерсон, выделять их в качестве «родовых слов», или же, вместе с акад. А. А. Шахматовым, следует рассматривать их как единицы в системе спряжения, как формы глагола? В языке, как и во всех других явлениях, следует тщательно отличать природу явления, его сущность, его содержание, раскрывающиеся в связи с его функцией, от его формы, различая глубинный процесс развития и поверхностные явления. На примерах из области политической экономии И. В. Сталин убедительно показал, как от старой категории может сохраниться форма, внешний облик, существо же ее может измениться коренным образом применительно к новым условиям и новым потребностям.

Из указанных выше двух основных конкретных задач научного изучения языка, т. е. задачи восстановления процесса исторического развития языка и задачи научного исследования функционирования языка и отдельных его единиц, лишь в отношении первой можно говорить о наличии более или менее разработанной методики исследования. Здесь можно выделить по крайней мере три специальных метода-приема, посредством которых можно продуктивно вести исследование: 1) сравнительно-исторический метод как метод восстановления не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения соответствующих более поздних фактов двух или нескольких языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по употреблению в речи; 2) метод фоно-морфологического анализа (или внутренней реконструкции) фактов каждого из сравниваемых языков в отдельности⁶;

⁶ Ср. А. И. Смерницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 13 и сл.

3) метод лингвистической интерпретации памятников языка, т. е. метод восстановления реальной системы языка прошлого (его грамматического строя, звукового состава, значений слов и пр.) путем лингвистического анализа сохранившихся языковых памятников соответствующей эпохи. Эти специальные методы (приемы) в соединении с данными истории, этнографии и других общественных наук дают в совокупности систему приемов изучения исторического развития языка.

Что же касается второй из указанных выше задач, т. е. задачи установления того, каким образом на данном этапе развития языка в данных общественных условиях функционирует его система или какие-либо отдельные ее элементы, то нужно сказать, что этот вопрос является до сих пор научно слабо разработанным. Его недостаточная разработанность и приводит, повидимому, с одной стороны, к развитию структурализма в буржуазном языкознании, с другой стороны, к выдвиганию — как единственного критерия в решении «синхронических» вопросов — «языкового чутья» («Sprachgefühl») тех, для кого данный язык является родным. Метод «языкового чутья» многими из современных представителей «синхронического» буржуазного языкознания рассматривается как основной метод синхронического исследования.

Каковы задачи советского языковеда, стремящегося понять структуру языка, проникнуть в особенности, в существо, в природу функционирования языка на данном этапе его развития, т. е. в его движении и изменении, но с установкой не на процесс изменения, а на функционирование системы языка в целом и каждой ее части в отдельности?

К решению этого сложного и до сих пор не разрешенного вопроса советский языковед должен подходить, базируясь на положениях марксизма о том, что в области общественной жизни человека, так же как и в природе, процессы развития являются объективными процессами. Следовательно, задача заключается в том, чтобы раскрыть объективную природу языка и объективно, помимо воли людей, существующие отношения между его элементами — отношения, которые существуют не в «сознании говорящих», а в реально звучащей речи (и письменном ее отображении), в практике применения языка как средства общения.

Раскрытие объективной природы языка и объективного характера законов его развития и функционирования осложняется наличием неразрывной связи языка с мышлением. Вся семантическая сторона языка, все значения в языке — будь то значения слов, грамматических форм и построений или отдельных морфем — входят в область психики, сознания, которое, не существуя иначе, как продукт мозга, представляет собой явление внутреннее, непосредственно данное лишь самому сознающему индивиду, в мозгу которого оно реально возникает. Это обстоятельство создает благоприятную почву для развития превратных, субъективно-идеалистических концепций в языкознании, для выдвигания метода самонаблюдения и определения языковых фактов на основе «языкового чутья», «языкового сознания говорящих». Опрос ряда говорящих (хотя бы и большого их числа) для выяснения того, как «сознается» тот или другой факт языка, как он «воспринимается» посетителями этого языка, не устраняет субъективности и идеалистичности такого метода анализа языковых явлений с точки зрения их реального функционирования. Так, если мы скажем, что формы на *-л* типа *говорил, делал* и т. п. не являются особыми «родовыми словами» потому, что они «воспринимаются, осознаются» как входящие в систему спряжения глагола, то в принципе субъективный характер определения места этих форм в системе русского языка по существу не изменится от того, будем ли мы иметь в виду только свое личное «восприятие» и «осознание» или «восприятие» и «осознание»

также и некоторого числа других людей, владеющих русским языком как родным.

Ясно, что такой «субъективно-оценочный» подход к стоящей перед нами задаче является совершенно неправильным, немарксистским, приводит не к научному исследованию языка, а к «лингвистике мнений»: языковеды, идущие по этому пути, вместо того, чтобы доказывать те или иные лингвистические положения или анализировать языковые явления, занимаются беспочвенным противопоставлением своих «мнений», обусловленных собственным субъективным «восприятием» языковых фактов, подобным же образом обусловленным «мнениям» противников.

В действительности же практическое применение языка в процессе общения при определенных, конкретных жизненных условиях, т. е. в конкретной обстановке, с конкретными целями и прочее, наталкивает каждого овладевающего соответствующим языком на определенное понимание, «восприятие» отдельных фактов языка и постепенно создает у него «языковое чутье». Объективно данные, внешне выраженные в речи отношения между отдельными языковыми фактами, их связи и различия, их сближения и противопоставления, с одной стороны, и отношения этих языковых фактов к условиям общения, с другой — вот то, чем действительно определяется тот или иной характер и то или иное место каждого отдельного факта в общей системе языка и что лишь отражается в виде известного его «восприятия» каждым говорящим на данном языке — различно, в зависимости от его лингвистической наблюдательности, его развития и пр.

Так как язык представляет собой практическое действительное сознание и каждая единица языка является таковой лишь постольку, поскольку в ней звучание соединяется с известным смысловым значением, то марксистское языкознание не может рассматривать языковые образования только как образования звуковые, непосредственно соотносящиеся с предметами, отношениями действительности. Поэтому то, как говорящие «воспринимают, осознают» смысловые значения слов, грамматических форм и их классов и разрядов, какие категории они «выделяют» в языке и какие связи и отношения они «устанавливают» между отдельными единицами языка, — все это не может выбрасываться за пределы языка как предмета языкознания (в противоположность тому, как это делается буржуазными лингвистами-«физикалистами» блумфилдианского толка). Но все эти данные должны, думается, черпаться не из самонаблюдения и опроса носителей данного языка, а из анализа самой системы языка и ее использования в речи в конкретных условиях общения, о чем говорилось выше.

«Языковое чутье» и прочие моменты того или иного «осознания» языковых фактов самими говорящими не должны служить основой при анализе и определении этих фактов, но сами должны анализироваться и объясняться объективно данными в речи явлениями языка. Вновь возвращаясь к старому примеру, сказанное можно пояснить так: не потому формы *-л* в русском языке являются формами прошедшего времени, что они так «воспринимаются и осознаются», а потому они так «воспринимаются и осознаются», что они занимают объективно определенное место в системе русского языка и употребляются в объективно определенных случаях. И вот эти-то объективные условия, наталкивающие говорящих на определенное понимание данных форм, должны быть положены в основу того или иного научного их определения при описании системы языка в данный исторический период ее развития.

Если судить по декларациям современных буржуазных структуралистов, то может показаться, что они как раз и отказываются от субъективного подхода к явлениям языка и стремятся детально разработать такую:

методику исследования, которая позволила бы определять закономерности функционирования различных отдельных языков и языка вообще на основе объективных данных. Известно, с какой решительностью выступают против «априористических» и «метафизических» построений «старой лингвистики» как европейские, так и американские структуралисты, требуя разработки для современного языкознания таких методов, которые по своей точности были бы подобны методам, применяемым, например, в физике. Именно эти декларации и требования делают структурализм особенно опасным, так как они могут ввести в заблуждение относительно его действительного характера.

Действительный же характер структурализма как направления, господствующего в современной буржуазной лингвистике, определяется общей для всей современной буржуазной науки философской основой: позитивизмом и агностицизмом. Поэтому борьба структуралистов против «априоризма» и «метафизики» ведется не в целях открытия объективных законов функционирования и развития конкретных языков и человеческого языка вообще, а лишь с целью создания такой методики лингвистического исследования и описания, которая позволяла бы по «внутренне непротиворечивой» и возможно «простой» системе известным образом распределить и расклассифицировать данные в «опыте» факты речевой деятельности. Будут ли те или другие определения и группировки фактов соответствовать их объективной сущности и объективным отношениям между ними — это, с точки зрения структуральной лингвистики, вопрос метафизический, научно не оправданный.

Поэтому представители структуральной лингвистики нередко допускают как равноправные совершенно разные определения одних и тех же явлений, если признается, что каждое из этих определений отличается тем или иным «удобством». Так, для структуральной лингвистики вопрос о том, почему русские образования на -л со значением прошедшего времени являются уже формами прошедшего времени глагола, а не причастиями перфекта и не «родовыми словами» особого типа, вообще говоря не существует как таковой: с точки зрения этой лингвистики следует говорить лишь о том, какое определение будет лучше согласовываться с известной системой дефиниций и рубрик. В этом — глубочайшее, принципиальное отличие подхода буржуазного структурализма в любой его разновидности к описанию и анализу фактов языка от того подхода, которым действительно преодолевается субъективизм в языкознании. Вместо познания объективной реальности, существующей независимо от познающего субъекта, получается лишь переоблачение того же субъективного идеализма в «современную» наукообразную фразеологию⁷.

У американских структуралистов-блумфилдианцев видимость преодоления субъективности создается тем, что они вообще исключают из рассмотрения внутреннюю, психическую сторону языка, чем «освобождают» себя и от вопроса о характере связи языка и мышления. Они говорят о «значении» (meaning), но последнее выступает у них только как «ситуация», понимаемая в бихейвиористском смысле. Это приводит их лишь к упрощенству и еще более удаляет от познания действительной природы языка.

Европейские структуралисты, исходя из лингвистических концепций де Соссюра, не отказываются от понимания «значения» в языке как реаль-

⁷ Подробнее об этом см. статьи О. С. А х м а н о в о й: «О методе лингвистического исследования у американских структуралистов» («Вопросы языкознания», М., 1952, № 5, стр. 92—105) и «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» («Вопросы языкознания», М., 1953, № 3, стр. 25—47).

ного психического явления, которое не может игнорироваться языкознанием: «значение» входит у них в состав «лингвистического знака» в виде «обозначаемого» (*signifié*), того «концепта», который ассоциируется с акустическим образом, выступающим в качестве «обозначающего» (*signifiant*). Они борются с «метафизичностью» и «априоризмом» «старой лингвистики» иначе: путем отвлечения от всяческой «субстанции» и гипостазирования чистого «отношения», чистой «формы». Так, у Ельмслева «форма содержания» и «форма выражения» оказываются нарочито и принципиально оторванными от «субстанции содержания» и «субстанции выражения», которые структуральную лингвистику не интересуют. В конце концов это приводит к отвлечению от всего специфического для отдельных сторон и составных частей языка, к идее так называемого «изоморфизма» — однотипности отношений в области фонетики, грамматики, словарного состава языка.

Несмотря на указанные различия, отдельные структуралистские течения все более сближаются именно на основе «изоморфизма». В этом отношении очень показательна недавняя статья Кантино о значащих противопоставлениях⁸. Это сближение, повидимому, лишь еще больше углубит искусственно создаваемую структуралистами пропасть между изучением языка и изучением истории народа — его творца и носителя, и увеличит причудливость структуральных изощрений, которыми подменяется реальная теоретическая языковедческая работа. Развитие буржуазного структурализма наглядно показывает, к чему ведет безмерное увлечение одними отношениями внутри языка — без учета «субстанции» самих соотносящихся языковых единиц и элементов и без учета отношения языка к окружающей действительности, и это должно быть ярко освещено в курсе общего языкознания.

Как уже было сказано выше и как совершенно правильно указывается в программе, «описательный» метод, метод анализа системы языка в целях определения места и функции различных языковых единиц в этой системе нельзя рассматривать в отрыве от истории языка и в отрыве от общественных отношений, сложившихся в том человеческом коллективе, который является носителем исследуемого языка. Для того чтобы узнать, как объективно существующие в системе отдельные ее единицы реально функционируют и как они воздействуют на говорящих, как воспринимаются ими, отражаются их сознанием, надо знать не только всю предшествующую историю развития соответствующих языковых фактов, но и то, как существует язык в данное время в данном обществе: существует ли он «стихийно», в мало развитом или вымирающем коллективе, или его обрабатывают; имеется ли письменность и, в частности, письменная литературная традиция; какова степень грамотности населения, распространения образования и социальная дифференциация в этом отношении; раздроблен ли язык на диалекты или в нем достигнуто значительное единообразие и пр.

Понятно, что при изучении языка как такового на определенных этапах этого изучения принципиально возможна и даже неизбежна та или иная степень отвлечения от реальных конкретных особенностей его существования; однако полученные при таком изучении данные ни в коем случае не следует считать вполне достаточными или подлинно научными: функционирование системы языка на каждом данном этапе его развития теснейшим образом связано с условиями его существования не только в изучаемое время, но и на протяжении предшествующей жизни данного человеческого коллектива.

⁸ J. Cantineau, Les oppositions significatives, «Cahiers Ferdinand de Saussure», 10, Genève, 1952, p. 11—40.

Говоря о содержании того раздела курса, который посвящается рассмотрению специальных методов языкознания, нельзя не обратить внимания на то, что в наших курсах до сих пор слишком большое место занимает изложение так называемого «нового учения» о языке вообще и основного «метода» этого учения, в частности. Ведь так называемый «палеонтологический метод» Марра не является научным методом и его не следует рассматривать наряду с теми методами, которые, даже при их серьезных недостатках, все же могут считаться ценными специальными методами языковедческого исследования. В изложении этого вопроса следует исходить из знаменитого высказывания И. В. Сталина о действительно идеалистическом четырехэлементном анализе Марра: «Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический“. А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»⁹.

Можно ли среди других методов языкознания, хотя бы и остро критически, но все же сколько-нибудь подробно рассматривать идеалистическую пародию на научный метод, которая не только не показывает путей научного исследования, но даже не стимулирует к их отысканию, а «толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»? Думается, что нельзя. Единственно, что следует сделать, — это кратко указать на те условия, которыми определяется антинаучность как самой «теории» четырех исконных элементов, общих всем языкам, так и способов «обнаружения» и «восстановления» этих воображаемых элементов в конкретных языках, т. е. вообще на то, почему марровский «метод» не имеет права претендовать на звание лингвистического метода и что служит основанием для той исключительно меткой и острой характеристики, которая была дана ему И. В. Сталиным.

3. Особенности различных сторон и единиц языка и обусловленная ими структура языкознания

Следующим важным вопросом, встающим при обсуждении курса «Общее языкознание», является вопрос об отдельных единицах, частях и сторонах языка и их специфических особенностях, а отсюда — и о подразделении языкознания и о соотношении между его разделами.

Следует больше, чем это обычно делается, подчеркнуть при чтении этого курса, что отдельные стороны и единицы языка имеют черты, специфические для каждой из них. Такое деление, как «лексика — грамматика — фонетика», может до некоторой степени ввести в заблуждение. Ведь названные три сферы языка вряд ли можно рассматривать как соотносительные компоненты, на равных основаниях входящие в целое. Фонетика (в смысле звуковой системы языка) должна быть выделена особо как «материя» языка, используемая как в лексике, так и в грамматике (в грамматическом строе). Единицы фонетики сами по себе не являются единицами языка, так как не носят того двустороннего характера, который является конституирующим для таких единиц (исключая, конечно, синтаксическую интонацию, которую следует относить не к фонетике, а к грамматике, в частности — к синтаксису, так как она входит в средства образования синта-

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитгиздат, 1953, стр. 33.

кисических единиц). В самом деле, ведь звуки (даже в качестве фонем) сами по себе не имеют никаких значений — в отличие от таких единиц, как морфемы, слова, интонационные формы: з в у к т в словах *туца, табак, том* и пр. не может быть выделен вместе с каким-либо принадлежащим ему значением (в отличие от морфемы *т-* в словах *тот, тому, та, то* и пр.). Поэтому и в языкознании выделяется фонетика как особый раздел науки, имеющий свой особый предмет. Фонетика (как дисциплина) изучает то, как используется, как функционирует звуковая материя в основных компонентах языка — в лексике и грамматике.

В курсе «Общее языкознание» должно быть ясно показано, почему основными компонентами языка являются словарный состав и грамматика (грамматический строй), причем главное внимание должно быть уделено основной единице языка — слову, которое является центральным образующим как для лексики, так и для грамматики. С одной стороны, имеются слова как «строительный материал» языка (их значения, конкретные звучания, смысловые и структурные отношения между ними в общей системе лексики и т. п.), с другой — общие правила изменения слов и сочетания слов в предложении, правила, имеющие в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности, правила для составления предложений, правила использования слов в связной речи. Поэтому в данном разделе курса важно показать, что грамматика существует не помимо слов, а на базе слов.

Специфическая роль грамматики — использование слов в связной речи не как индивидуальных единиц, а как единиц типовых, в которых проявляется то общее, что лежит в основе изменения слов и их сочетания в предложении. При этом важно отметить, что предложение не выделяется И. В. Сталиным как некоторая конкретная единица языка, которая входила бы так или иначе в состав языка паподобие слова. Конкретные предложения, т. е. предложения, состоящие из данных определенных слов и определенным образом грамматически оформленные, являются уже речевыми произведениями, создаваемыми в процессе применения языка теми или иными людьми, в тех или иных условиях, для достижения тех или иных целей¹⁰. Они принадлежат не языку (хотя и «делаются из языка»), а той сфере человеческой деятельности, в которой язык применяется в каждом данном конкретном случае. Поэтому, естественно, они нередко имеют в классовом обществе определенную классовую направленность.

Выдвижение представителями марровского «нового учения» о языке, особенно И. И. Мещаниновым, предложения в качестве важнейшей единицы языка наряду со словом (а нередко — и преимущественно перед словом) являлось одним из моментов, способствовавших утверждению псевдомарксистских лженаучных марровских положений о надстроечном и классовом характере языка. По учению же И. В. Сталина, верно отражающему объективно существующие основные черты состава и строя языка, предложению как конкретной, целой единице нет места ни в словарном составе языка, ни в его грамматическом строе; конкретные слова, входящие, например, в предложение *Вчера он был в театре*, принадлежат словарному составу языка лишь по отдельности, а не в данной их совокупности, и, равным образом, все грамматическое оформление этого предложения не составляет какой-либо целой готовой грамматической единицы, но складывается из отдельных морфологических и синтаксических единиц различного рода — из грамматических оформлений и данных отдельных

¹⁰ Правда, и слова могут создаваться в процессе применения языка и, не получив общественного признания, оставаться принадлежностью отдельных речевых произведений и не входить в состав языка. Но для слов это как раз не характерно.

форм слов¹¹, из данных отношений между словами в известных формах и из определенного интонационного оформления всего построения. Конечно, всё, что придает слову или совокупности слов характер предложения, входит в грамматический строй языка; говоря о сочетании слов, И. В. Сталин указывает на то, что они сочетаются, соединяются в предложении. И предложения, конечно, не исключаются из поля зрения языкознания: в них изучается и словарный состав языка, и его грамматический строй. Но они изучаются не как целые единицы — произведения во всей их конкретности, а как материал, в котором представлены различные отдельные единицы языка, в частности, и такие единицы, как грамматические правила, законы образования предложений в отвлечении от конкретности самих данных предложений¹². Отсюда ясно, что предложение не может выдвигаться как единица, конкурирующая со словом в качестве единицы именно языка: оно вообще как целая единица не имеет места в языке, не является собственно языковой единицей.

Слово, таким образом, будучи основной единицей языка и с точки зрения словарного состава, и с точки зрения грамматического строя, представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны. При этом следует обратить внимание на то, что связность речи имеет не только грамматический характер: она определяется грамматикой, но осложняется и конкретными лексическими связями между словами — связями, основанными на системе фразеологических отношений между словами.

Очень важно заметить, что при рассмотрении слова с лексической стороны происходит отвлечение от различных грамматических моментов, связанных с данным словом. Так, когда мы берем слово *окно* именно как слово-единицу лексики, как лексему, мы отвлекаемся от того, что *окно* как таковое представляет собой собственно лишь определенную грамматическую форму данного слова, в частности — именительный падеж единственного числа (в других случаях — винительный). В качестве лексемы данное слово в одинаковой мере является данным словом в любой своей грамматической форме: с лексической точки зрения *окно*, *окну*, *окном*, *окна*, *окнами* и прочее равны между собой, так как различия здесь — только грамматические. Вместе с тем, однако, нельзя забывать, что грамматическое оформление слова есть существенный признак его. Надо помнить, что, отвлекаясь от грамматических различий, от отдельных грамматических форм, мы и в области лексики не должны рассматривать слово без учета общего его грамматического оформления.

Что касается слова в его отношении к грамматическому строю языка, то здесь очень существенно иметь в виду, что отвлечение от какой бы то ни было конкретности слова не означает, согласно учению И. В. Сталина о составе и строении языка, отвлечения от слова вообще. Абстрагируясь от всего конкретного в слове, можно сказать, что с грамматической точки зрения слова *окну*, *веслу*, *ядру* и прочие равны между собой (подобно тому, как, напротив, равны с лексической точки зрения *окну*, *окно*, *окном* и т. д.). Но то, что падежно-числовая грамматическая форма, которую мы находим в слове *окну*, так же, как и в слове *веслу* и т. п., есть форма именно слова,

¹¹ Под грамматическим оформлением слова понимается грамматическая характеристика его как определенной части речи и пр., а под грамматической формой слова — определенное грамматико-морфологическое его видоизменение (*иду*, *идешь*, *идти*).

¹² См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

является фактом грамматического строя. И следует показать, что если мы имеем дело с порядком слов, то это совсем не то же, что порядок морфем (вопреки стремлениям буржуазных структуралистов различных толков «установить» одинаковые закономерности для разнородных языковых единиц).

Таким образом, если в курсе «Введение в языковедение» дается понятие об основе различия между словарем и грамматическим строем языка, то в курсе «Общее языковедение» необходимо показать всю сложность отношений между обоими компонентами, взаимодействие между ними и взаимопроизношение их в слове и в сочетании слов.

Важно далее указать также на то, что особенности разных компонентов и сторон языка создают и разные возможности применения к ним отдельных частных методов и приемов лингвистического исследования. Так, например, если звуковой строй языка поддается наиболее полному восстановлению посредством применения сравнительно-исторического метода, то грамматический строй восстанавливается уже с несколько меньшей полнотой и менее уверенно, тогда как словарный состав языка этим методом можно восстановить нередко лишь в небольшой его части, причем определить, какая это часть и что имелось кроме нее, оказывается невозможным.

Эти и подобные им особенности разных сторон и ингредиентов языка с полной несомненностью свидетельствуют о неприемлемости механистического представления об «изоморфизме» как универсальной основе лингвистического исследования. Словарный состав, грамматический строй и звуковая система языка имеют свои совершенно определенные особенности, обуславливающие специфику соответствующих дисциплин — лексикологии, грамматики, фонетики. Такие наиболее общие методы, как например, «метод противопоставления», применимы к различным отдельным сферам языка только постольку, поскольку они применимы вообще при изучении систем как организованных и внутренне обусловленных соединений фактов: они не являются специфически лингвистическими методами.
